18+

Александр Николаевич Осипов

Пепел чужого счастья

Александр Осипов

Пепел чужого счастья

«Издательские решения»

Осипов А. Н.

Пепел чужого счастья / А. Н. Осипов — «Издательские решения»,

Девятнадцать лет строитель Андрей считал свой брак нерушимым, пока тайна прошлого не вскрыла правду: настоящий отец его дочери — влиятельный депутат Соколов. Когда политик решает списать миллионные хищения на молодых специалистов, под удар попадают дети Андрея. Чтобы спасти семью от заказного суда и тюрьмы, простому прорабу предстоит бросить вызов городской верхушке. Настоящая отцовская любовь измеряется готовностью стоять за своих до конца.

© Осипов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Александр Осипов 6
Глава 1. Печать на конверте 7
Глава 2. Холодный расчет 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Пепел чужого счастья

Александр Николаевич Осипов

© Александр Николаевич Осипов, 2026

ISBN 978-5-0071-6852-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Осипов
ПЕПЕЛ ЧУЖОГО СЧАСТЬЯ
Остросюжетный психологический детектив
Аннотация

Девятнадцать лет строитель Андрей считал свой брак нерушимым, а дочь Аню — главным смыслом жизни. Но внезапная смерть старого друга и его предсмертное признание рушат привычный мир: настоящий отец девочки — влиятельный городской депутат Виктор Соколов.

Когда Соколов решает списать растрату сотен миллионов на молодых проектировщиков — Аню и сына Андрея Вадима, — у прораба не остается выбора. Чтобы спасти детей от сфабрикованного уголовного дела и заказного суда, семье предстоит вступить в открытую схватку с городской верхушкой. Настоящая отцовская любовь измеряется не анализами крови, а готовностью заслонить своих близких собой.

Глава 1. Печать на конверте

Ноябрь в Калуге наступил как-то сразу, без предупреждения. Еще в четверг свинцовая гладь Оки блестела холодным осенним глянцем, а к вечеру воскресенья на проводах и железных козырьках намерзла колкая ледяная крупа. Старый кирпичный дом в тихом переулке за сквером Мира гудел от порывов ветра, скребущегося в вентиляционных шахтах.

На кухне девятого этажа пахло остывающим яблочным пирогом и сушеной мятой. Андрей сидел у подоконника в старом шерстяном свитере с подвернутыми рукавами, обхватив ладонями остывающую кружку с чаем. Внизу по мокрой дамбе Яченского водохранилища медленно ползли цепочки автомобильных фар — город тянулся в сторону Правого берега, сырой, замерзающий, уставший.

Ему было пятьдесят два. Возраст, когда мужчина либо оглядывается назад с чувством выполненного долга, либо молча тащит привычный воз строительного подряда. Андрей не жаловался. У него была репутация надежного прораба, которого звали на самые сложные фундаменты, была взрослая дочь-красавица Анечка и тихий, налаженный быт. Ради этого уюта девятнадцать лет назад он с кровью перечеркнул свою прошлую жизнь, оставив в прошлом тяжелый первый брак и на долгие годы отдалившись от сына Вадима. Он платил за свой выбор каждый день — трудом, мозолями, ранней сединой на висках. И был уверен, что заплатил сполна.

Елена стояла у кухонного гарнитура спиной к нему.

Она не включала верхний свет — горела только желтая диодная лента под навесными шкафами, выхватывая из полумрака ее тонкие запястья. Руки женщины мелко, непрерывно дрожали. В пальцах белел вскрытый продолговатый конверт из плотной бумаги со штампом Областного клинического онкологического диспансера в Анненках.

Она принесла его полчаса назад. Молча разделась в прихожей, не сняв сапог прошла на кухню и замерла.

— Лен, — негромко позвал Андрей. Голос его прозвучал густо, с легкой прорабской хрипотцой. — Ты полчаса молчишь. Что в Анненках сказали? Сергей… совсем плох?

Елена медленно обернулась. Лицо ее, обычно мягкое, сейчас казалось гипсовой маской, на которой застыли темные, провалившиеся глаза.

— Сергея больше нет, Андрей, — произнесла она. Голос был сухим, плоским, будто из легких выкачали весь воздух. — В пятницу вечером. Медсестра отдала мне его вещи. И вот это. Он просил передать лично тебе. В руки.

Она сделала два неверных шага и положила конверт на клеенку стола, прямо перед Андреем.

На белой бумаге стояла круглая гербовая печать архива диспансера и синий штамп: «Выдано по личному заявлению пациента». Из разрезанного края выглядывал пожелтевший бланк и сложенный вдвое лист обычной ученической тетради в клетку.

Андрей нахмурился. Внутри шевельнулось нехорошее, мутное предчувствие — такое бывает на стройке за секунду до того, как срывается трос лебедки: воздух вдруг становится вязким.

Он достал сложенные бумаги. Пальцы строителя, привыкшие к бетону, металлу и грубым чертежам, неловко развернули ветхий бланк.

Это было лабораторное заключение девятнадцатилетней давности. Дата — май 2005 года. Калужская областная станция переливания крови, медико-генетическое отделение. Фамилия пациента: Романов Сергей Николаевич. А ниже — короткая, отпечатанная на старой печатной машинке строка диагноза: «Абсолютное первичное бесплодие. Азооспермия тяжелой степени. Патология необратима».

Андрей перечитал строку раз, другой, третий. Буквы двоились, отказываясь складываться в смысл.

— Что это? — он поднял тяжелый взгляд на жену. — При чем тут анализы Сергея? Ему девятнадцать лет назад…

— Читай второе, — оборвала она шепотом. Губы ее побелели. — Читай, Андрей.

Он развернул тетрадный листок. Текст был написан карандашом — неровным, пляшущим почерком человека, пальцы которого уже сводила предсмертная судорога.

«Андрей, брат, если ты это читаешь — меня уже зарыли. Прости меня, если сможешь, хотя за такое не прощают. Девятнадцать лет я молчал и жрал себя заживо. Когда Лена ушла к тебе беременная, я побоялся сказать правду. Я боялся потерять вас обоих, боялся остаться один со своей неполноценностью.

Аня — не твоя дочь, Андрей. И не моя. Ее отец — Виктор Соколов. В двухтысячном Лена работала у него в фонде, он ее сломал, подмял под себя, а когда она залетела, вышвырнул с волчьим билетом. Я прикрыл ее, а потом появился ты — надежный, сильный, готовый за нее жизнь отдать. И мы смалодушничали.

Но я пишу не для того, чтобы разбить твой дом перед смертью. Соколов полез в большую политику. В холдинге сейчас идут проверки по муниципальным стройкам дамбы и путепровода. Он знает, кто такая Аня. И он готовит подлог: хочет повесить растрату сорока миллионов на молодежь из проектного отдела — на Аню и твоего сына Вадима. Спасай детей, Андрей. Виктор не остановится, он сожрет их и не подавится. Прости. Прости. Прости…»

Листок выпал из пальцев Андрея на стол.

В ушах зазвенело — высоко, тонко, оглушающе, словно рядом разорвался снаряд. Звуки исчезли: пропал гул вентиляции, шум дождя за стеклом, дыхание города.

Девятнадцать лет.

Перед глазами понеслась вся жизнь, собранная по крупицам: роддом на Болотникова, где он стоял под окнами в декабрьскую метель с охапкой роз; крошечный сверток с розовой лентой; бессонные ночи, когда у Анечки резались зубы и он часами носил ее на руках по этой самой кухне, баюкая на широком плече; первый класс, косички, разбитые коленки, поступление в архитектурный…

Каждая заработанная копейка, каждый объект, с которого он возвращался за полночь с гудящей спиной — всё неслось к ее ногам. Ради этой семьи он когда-то жестко отрезал прошлое, сломав жизнь первому сыну, Вадиму, который до сих пор смотрел на отца волчонком при редких встречах.

И всё это оказалось декорацией. Чужой, оплаченной ложью пьесой.

— Это правда? — спросил Андрей.

Он не кричал. Голос прозвучал пугающе тихо, из самой глубины груди. Он медленно поднялся из-за стола, упершись кулаками в клеенку.

Елена отшатнулась к гарнитуру, закрыла лицо руками и зарыдала — без слез, сухими, удушливыми всхлипами, оседая спиной по дверцам шкафа прямо на линолеум:

— Андрей… Андрюша… Мне было двадцать два года… Он заставил меня, угрожал, что брата посадит… А потом Сережа сказал, что прикроет, что запишет на себя… А тут ты… Ты был такой настоящий, такой живой… Я любила тебя! Я все эти девятнадцать лет дышала только тобой!

— Аня знает? — перебил он, не слушая ее оправданий. Внутри выжигало всё дотла, оставляя лишь голый, серый пепел.

— Нет! Богом клянусь, нет! Она считает тебя отцом, она с ума по тебе сходит, Андрей, не губи ее…

В прихожей неожиданно и резко, взрезая мертвую тишину квартиры, ударил электрический звонок.

Два коротких, требовательных дребезжания. Затем тяжелый, частый стук кулака в металлическую дверь.

Андрей замер. Мутные волны боли в голове мгновенно сменились холодной сосредоточенностью опытного мужика. На часах было начало десятого вечера. К ним никто не ходил без предупреждения.

— Встань, — бросил он Елене, не глядя на нее. — Умойся.

Он вышел в темный коридор, подошел к двери и, не спрашивая, резко провернул защелку тяжелого замка.

На лестничной площадке стоял Вадим.

Сын был в расстегнутом драповом пальто, мокром от мокрого снега, без шапки. Лицо двадцативосьмилетнего парня было серым, колючим, скулы ходили ходуном. Под мышкой он держал пухлую кожаную папку на молнии, а дыхание вырывалось из груди рваными клубами пара.

Они не виделись больше трех месяцев — с тех пор, как неловко столкнулись на юбилее общего знакомого.

— Вадим? — Андрей нахмурился. — Ты откуда? Ночь на дворе.

Сын шагнул в прихожую, даже не разуваясь, оттеснил отца плечом внутрь и захлопнул за собой дверь, повернув защелку обратно.

— Оттуда, батя, — глухо и зло бросил парень. Взгляд его темных глаз буравил Андрея в упор. — Из проектного офиса Соколова. Ты новости сегодня смотрел? Нет, конечно, откуда у вас тут время… Короче. На дамбе сегодня днем ОБЭП и Следственный комитет опечатали всю исполнительную документацию. Сорок два миллиона аванса по берегоукреплению растворились в воздухе.

Вадим швырнул папку на обувную тумбу:

— А крайними сделали нас. Проектную группу. Главный инженер сбежал утром в Белоруссию, а под ведомостями скрытых работ стоят две электронные цифровые подписи. Моя… и Анькина. Завтра в девять утра нас вызывают на допрос в Следственное управление на Салтыкова-Щедрина.

Вадим горько усмехнулся, глядя отцу прямо в глаза:

— Нас под монастырь подводят, отец. До десяти лет с конфискацией. А твой великий благодетель Соколов трубку не берет. Что молчишь? Спасать нас будешь, или опять скажешь, что у тебя семья новая?

Андрей стоял в узком коридоре, глядя на взъерошенного, загнанного в угол сына, за спиной которого из кухни испуганно выглядывала заплаканная Елена.

Слова из предсмертного письма Сергея эхом отозвались в висках: «Спасай детей, Андрей. Виктор не остановится».

Смерть друга, чужое дитя, нож в спину от женщины, с которой делил постель девятнадцать лет — всё это отступило на второй план. Впереди была стена, которую возводили против его детей. И эту стену нужно было ломать.

Снизу, со стороны темного двора, донесся приглушенный гул мощного двигателя и шорох шипованной резины по первому насту. Андрей подошел к окну в конце коридора и выглянул во тьму.

У их подъезда, перекрывая выезд со двора, мягко припарковался тяжелый черный представительский «Мерседес» с блатными номерами правительственной серии.

За ним захлопнулась дверца, и к освещенному козырьку подъезда не спеша двинулись две фигуры.

Глава 2. Холодный расчет

Лифт старой девятиэтажки тяжело заскрежетал тросами, поднимаясь наверх. В полутемной прихожей стояла глухая тишина, в которой слышно было только прерывистое дыхание Елены за кухонной дверью.

— Уйди на кухню, — не оборачиваясь, бросил Андрей сыну.

Вадим дернул подбородком, словно собирался огрызнуться, но наткнулся на взгляд отца — тяжелый, колючий, незнакомый — и молча отступил вглубь коридора, сжав кулаки в карманах пальто.

Двери лифта на площадке с грохотом разошлись. По кафелю прошелестели тяжелые, уверенные шаги. В тамбуре перед квартирой даже не стали звонить — просто повернули ручку и распахнули железную дверь настежь, как к себе домой.

Первым в узкий коридор шагнул Мрамор — двухметровый начальник службы безопасности Соколова, бывший спецназовец с бритым квадратным черепом, перебитым носом и оловянным, немигающим взглядом. Он оценил прихожую одним профессиональным движением глаз, встал плечом к дверному косяку, держа руки в карманах короткой кожаной куртки, и слегка посторонился.

Следом вошел сам Виктор Соколов.

Ему было слегка за пятьдесят, но выглядел он холеным, моложавым и лоснящимся. Длинное итальянское пальто нараспашку, кашемировый темно-синий шарф, на руке матово поблескивал швейцарский хронометр. Соколов вдохнул квартирный воздух — с запахом яблочного пирога и дешевого табака с лестницы — и слегка скривил тонкие, породистые губы в брезгливой усмешке.

— Здорово, строитель, — голос Соколова звучал лениво, с барской снисходительностью человека, привыкшего открывать любые двери в этой области ногой. — Не ждал гостей в одиннадцатом часу? Извини, без предупреждения. Времени на этикет мало.

Андрей стоял посреди коридора в своем старом домашнем свитере, не шевелясь.

— Разувайся, если вошел, — ровно произнес Андрей. — Или говори, зачем приперся, и выкатывайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.